

Фессалоника, как и все прочие города поздней Византии, была в руках феодальной знати, группировавшейся вокруг городского синклита; трудно было незнатному, хотя и богатому, лицу войти в этот круг высшей местной знати³³. Всего в Фессалонике насчитывалось не более 60 таких знатных фамилий³⁴. Но эти магнаты были окружены своими сторонниками. Когда Синадин был изгнан, за ним последовала тысяча его сторонников³⁵.

Совсем другую прослойку знати представлял Апокавк. Это выходец из незнатной семьи. Он проявил себя как ловкий делец по сбору налогов, потом добился управления государственными солеварнями³⁶. Он был тесно связан с морскими кругами.

По-видимому, Апокавк за время управления государственной монополией на добычу и торговлю солью сильно разбогател. При Андронике III он стал *ἐπί τῆ διοικήσει τῶν πραγμάτων* — управляющим всеми финансовыми делами³⁷. Турецкие пираты захватили в то время ряд островов и наносили крупный ущерб византийской морской торговле. Удовлетворяя требованиям морских торговых кругов, Апокавк попросил правительство Андроника III, чтобы его поставили главнокомандующим флотом против турок. Он обещал на свои деньги снарядить флот³⁸.

Эти действия Апокавка вызвали широкие симпатии среди торговых кругов и моряков. Апокавк одержал у о. Хиоса победу³⁹, но император, пишет Кантакузин, негодовал, что народ считал это событие патристической заслугой лично Апокавка (следует, впрочем, думать, что не император, а сам Кантакузин стал бояться популярности Апокавка).

Для успешного решения внешнеполитических проблем в связи с завоеваниями турок важно было ликвидировать феодальную раздробленность. И в среде господствующего класса выделилась прослойка знати, которой была невыгодна внутренняя феодальная раздробленность. Началась гражданская война.

Совершенно понятно, почему Фессалоника стала опорным центром политики Апокавка: именно этот город сохранил относительную самостоятельность в морской торговле, тогда как Константинополь как торговый центр все выгоды своего положения уступил Галате; проникновению итальянского торгового капитала в экономику Константинополя было значительно глубже, чем в Фессалонике.

³³ Greg., II, p. 741.

³⁴ Ibid., p. 608.

³⁵ Cantac., II, p. 233. После бегства тысячи сторонников Синадина последовало массовое замещение административно-финансовых должностей представителями местного городского населения. Это свидетельствует о том, что среди сторонников Кантакузина было чиновничество. Мы полагаем, что неправ Э. Франчес, который объяснял легитимизм зилогов отчасти интересами чиновной знати, группировавшейся вокруг Палеологов (Э. Франчес. Византиноведение в Румынии в 1956—1961 гг. — ВВ, XXII, 1963, стр. 118). Провинциальное чиновничество было в руках местной знати, занимавшей все крупные государственные должности.

³⁶ Cantac., I, p. 25: τῶν δημοτικῶν γὰρ αὐτῶν τότε διαθεῖν ἐπιείητο...

³⁷ Ibid., p. 339.

³⁸ Ibid., p. 537, 538—540.

³⁹ В глазах турок именно Апокавк был их главным врагом. В «Деяниях Умур-шаши» само выступление Апокавка против Кантакузина объясняется враждебным отношением к туркам: «вельможи собрались и стали совещаться: правление перешло в руки domestika (т. е. Кантакузина), всеобщим согласием они признали его власть и подчинялись всему, что он приказывал. Но в Фессалонике паракимомен (т. е. Апокавк) — он тогда имел это звание) не подчинился, его союзником был папа, и он (Апокавк) сказал народу: «Эти люди предали Филадельфию туркам... И замешательство стало царить в стране...» (Le Destan d'Umur Pacha par Irène Mélikoff-Sayar. Paris, 1957, p. 93). П. Лемерль, однако, считает, что в данном тексте речь идет не об Апокавке, а о Михаиле Палеологе и что вместо «папы» следует читать «патриарх» (P. Lemerle. L'émirat d'Aydin, Byzance et Occident. Paris, 1957, p. 160, n. 3).